

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2023-15-4-413-423

EDN: DBGXQN

Научная статья / Research article

Немцы в Корее в конце XIX — начале XX вв. как транслокальное буржуазное сообщество

И.А. Мусинова ✉

Уральский федеральный университет имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина,
Россия, 620000, Екатеринбург, ул. Мира, 19
✉ irina.musinova@gmail.com

Аннотация. Цель настоящего исследования — рассмотреть формирование немецкой общины в Корее как транслокального сообщества в период между заключением первых международных договоров в начале 1880-х гг. и аннексией страны Японией в 1910 г. Актуальность исследования обусловлена тем, что в указанный период в Восточной Азии началось активное перемещение людей, идей, товаров и капитала за пределы границ национальных государств. Корейский полуостров постепенно интегрировался в глобальные экономические и политические процессы, а формирование в Корее сообщества европейцев являлось непосредственным результатом происходивших в регионе изменений. Немецкое сообщество в Корее в конце XIX — начале XX вв. было представлено дипломатами, иностранными экспертами, нанятыми корейским правительством, торговцами и миссионерами. Эти люди определяли себя как буржуа или средний класс, активно взаимодействовали с представителями корейских элит, став проводниками многоуровневой политики империализма в Восточной Азии. Немецкие граждане, проживавшие в стране, оказали влияние на развитие германо-корейских отношений, налаживание культурного диалога между двумя странами и последующую модернизацию страны по западному образцу.

Ключевые слова: Чосон, Германская империя, транслокализм

История статьи: Поступила в редакцию: 20.02.2023. Принята к публикации: 27.07.2023.

Для цитирования: Мусинова И.А. Немцы в Корее в конце XIX — начале XX вв. как транслокальное буржуазное сообщество // Вестник Российского универси-

© Мусинова И.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

тема дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 4. С. 413–423. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-413-423>

Germans in Korea in the late 19th — early 20th centuries as a translocal and bourgeois community

I. A. Musinova ✉

*Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
19 Mira str., Yekaterinburg, 620000, Russia*

✉ irina.musinova@gmail.com

Abstract. This study deals with the German community in Korea between the conclusion of Korea's first international treaties in the early 1880s and the country's annexation by the Japanese Empire in 1910 in the context of transnational and global history. In the decades around 1900 the circulation of people, ideas, goods and capital beyond and across the national borders increased. The Korean peninsula has gradually integrated into global economic and political processes. The result of it became the formation of the European community in Joseon (Choson). The German community in Korea made up of diplomats, foreign experts hired by the Korean government as well as merchants and missionaries. They were individuals who defined themselves as bourgeois (or middle-class) who actively interacted with representatives of the Korean elites, becoming agents of an imperialist policy in East Asia. German citizens influenced the development of German-Korean relations contributing into the cultural dialogue between the two countries and the subsequent modernization of Joseon.

Keywords: Joseon, Choson, the German Empire, translocalism

Article history: Received: 20.02.2023. Accepted: 27.07.2023.

For citation: Musinova IA. Germans in Korea in the late 19th — early 20th centuries as a translocal and bourgeois community. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(4):413–423. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-4-413-423>

В 1990-е гг. произошел своеобразный «методологический поворот» в политологии, миграционных исследованиях, социальной антропологии и ряде других смежных дисциплин. В 1994 г. Д. Агню отметил тот факт, что в рамках глобальной экономической системы все большую роль играют торгово-экономические блоки, а не отдельные государства, экстерриториальной стала и глобальная публичная сфера, а в социальной сфере все чаще идентичность индивидов и их групп не совпадает с линией государственных границ [1. С. 3–5].

В 2000–2010-е гг. ряд исследователей (Л. Баш, Н. Глик Шиллер, К. Зантон Бланк) начал изучать феномен миграции с позиций этого нового методологического подхода [2]. Внимание ученых в качестве объекта исследования стала привлекать социальная история глобализации. При этом периодом растущей глобализации были названы 1900-е гг., когда потоки людей, товаров, идей, капитала устремлялись за пределы отдельных стран, свободно пересекали государственные границы [3].

В этот период объектом самостоятельного исследования стала и европейская буржуазия. Представители этой социальной группы установили стандарты жизни, к которым стремились элиты по всему миру, в том числе в колониях и полуколониальных государствах.

Для изучения этого и подобных феноменов появилось понятие «транслокальности», позволяющее анализировать разнообразные кросс-территориальные связи и потоки (У. Фрайтаг, А. фон Оппен) [4]. С помощью этого понятия стали исследоваться не только национальные группы, но и социальные образования, объединявшиеся в том числе по экономическим и религиозным признакам. Членов подобных сообществ отличало разное происхождение, принадлежность к разным социальным и профессиональным группам. Появилось понятие «трансмигранты», подразумевавшее «мигрантов, которые живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно (со) общество» [5; 2].

Немецкий исследователь К. Дитрих предлагает использовать указанные методологические подходы для анализа сообщества представителей европейских стран в Корее в конце XIX — начале XX вв. Это сообщество стало проводником многоуровневой политики империализма в Восточной Азии [6]. При этом комплексный анализ взаимодействия указанной группы с корейскими элитами подразумевает также применение подхода, связанного с реконструкцией структур повседневности (Ф. Бродель, П. Бергер, Ф. Лукман) [7–9].

Процесс формирования сообщества европейцев в Корее в период между заключением первых международных договоров в начале 1880-х гг. и аннексией страны Японской империей в 1910 г. отражал постепенную интеграцию Корейского полуострова в глобальные экономические и политические процессы.

Корейская правительственная статистика за 1897 г., опубликованная в газете «The Independent», дает нам данные о численности европейцев, проживавших в стране [10; 11. С. 305–306]. В указанный период в стране насчитывалось не более двухсот европейцев и около ста американцев. Среди европейцев больше всего было подданных Российской и Британской империй, значительным было количество немцев и французов [12. С. 324–325].

Представители германских земель сыграли важную роль в процессах, связанных с попытками корейской элиты провести политическую, экономическую и социальную трансформацию корейского общества в 1880–1910 гг. Реформы должны были помочь стране эффективно противостоять многочисленным внешним угрозам, а также сохранить независимость. Подданный Германской империи П.Г. фон Мёллендорф стал первым иностранным высокопоставленным чиновником корейского государства; вопросами придворного этикета и приемом гостей при корейском дворе длительное время занималась А. Зонтаг; придворный врач Р. Вунш внес серьезный вклад в развитие корейской медицины; автором первого корейского гимна стал немецкий

музыкант и композитор Ф. Эккерт; руководителем одной из первых школ современного типа в Сеуле стал немец Й. Боллян.

По мнению автора монографии «Чосон и Германия» Ли Ёнгвана, в конце XIX — начале XX вв., наряду с другими западными державами, Германская империя оказала серьезное влияние на включение Кореи в формирующуюся тогда новую систему международных отношений. В начале XX в. корейский правитель Коджон и Вильгельм II вели регулярную переписку, особенно в сложный для корейского государства период 1897–1905 гг., так как корейский монарх рассчитывал на помощь немецкой стороны в деле сохранения корейской независимости. Принцы Вильгельм и Адальберт Гогенцоллерны стали первыми и единственными представителями европейской правящей династии, которые совершили официальные визиты на Корейский полуостров в указанный период [13].

В 1902 г. немецкая община в Сеуле не превышала десятка человек. Она состояла из консула Фердинанда Крина и его секретаря Роберта Бринкмейера, преподавателя Й. Болльяна, музыканта Франца Эккерта и его семьи, торговца А.Ф. Горшалки, А. Зонтаг и доктора Р. Вунша [15. С. 503].

Немцев, как и всех европейцев, проживавших в Корее в указанный период, можно условно разделить на пять групп.

К первой относились дипломаты. Германскую империю в Корее представлял консул Фердинанд Крин, который находился в Корее с 1889 по 1898 гг. У консула также были помощники и переводчики [15. С. 116–119].

Вторую группу составляли иностранные эксперты, работавшие на корейское правительство. Первым иностранным советником был немец П.Г. фон Мёллендорф [15; 16]. Во многих областях, включая дипломатию, военное, инженерное дело и юриспруденцию, сферу образования, использовались иностранные консультанты, большинство из которых прибыли из США, Германии и Франции [11. С. 185–188]. При корейском дворе работал немецкий врач Рихард Вунш (Ву-еон-са, 富彦士), который с ноября 1901 г. по апрель 1905 г. занимал должность личного врача императора Коджона в Сеуле. Благодаря ему достижения европейской медицины нашли применение в Восточной Азии. Еще один немец, Йоханнес Боллян, сыграл значительную роль в создании первых школ западного типа, в частности, первой немецкой школы в Корее, в подготовке переводчиков с немецкого языка для дипломатических и экономических нужд.

Третью группу представляли торговцы и бизнесмены. В открытых портах Кореи действовали две немецкие и две американские торговые компании, а также один британский и один французский торговый дом [15. С. 96]. Крупнейшая немецкая иностранная торговая компания «Meyer & Company», офис которой располагался в Чемульпхо, была тесно связана с базирующейся в Шанхае британской фирмой Jardine Matheson & Company [15. С. 116–135]. Оба торговых дома выступали в качестве агентов крупных европейских

и американских компаний, включая страховые и судоходные. Иностранцы лавочники, такие как немец Ф. Калитски, продавали в Корею иностранные товары.

Четвертую группу составляли миссионеры. В 1909 г. в Корею прибыли немецкие миссионеры-бенедиктинцы [14. С. 180–189].

Наконец, пятой группой были европейцы, принадлежащие к менее привилегированным слоям общества. В эту группу входили охранники консульств, моряки, шахтеры и техники, которые работали в компаниях на концессионной основе, таких как Seoul Electric Company.

Подавляющее большинство представителей западных стран размещалось в корейской столице в центральном районе Чундон (рядом располагались главные корейские дворцы, большинство посольств и миссионерских центров), а также в порту Чемульпхо. Иностранцы в открытых портах жили в соответствии с режимом экстерриториальности и не были обязаны подчиняться корейскому законодательству [17. С. 97–98]. Значительная часть из них демонстрировала приверженность к буржуазной культуре, которая на тот момент активно формировалась у них на родине и в значительной степени отличалась от культуры местного корейского населения. Представители стран Запада выполняли «цивилизаторскую миссию», а газеты современного типа, такие как *The Independen* и *Asiatishen Lloid* стали рупором буржуазного образа жизни. Европейцы, жившие в Корею в указанный период, ценили свой жизненный уклад выше, чем уклад принимающего корейского общества, и даже не рассматривали возможность интеграции, но при этом ожидали, что корейцы охотно примут европейский образ жизни [19].

Некоторые ключевые материальные предметы ассоциировались у представителей западных стран с понятием «современности» и противопоставлялись «отсталости». Начиная с середины 1890-х гг., благодаря политическим изменениям в корейском обществе и стремлению корейской элиты преобразовать страну по европейскому образцу, немцы, как и другие европейцы, получили возможность воссоздать привычную среду в районе Чундон в Сеуле и в иностранных районах Чемульпхо. Были построены новые дома по европейскому образцу, корейские дома превращены в резиденции в западном стиле, оснащены мебелью, коврами, занавесками, современными приборами и посудой. Дома нередко располагались в живописных местах, перед ними располагался сад с цветочными и овощными грядками, кустарниками и деревьями. Наличие целого штата слуг у европейцев в Корею также было символом высокого социального статуса, это подчеркивало буржуазное положение работодателя [18]. Так, например, в 1890 г. К. Вольтер пригласил опытного китайского мастера и возвел на холме в Чемульпхо здание в качестве жилья для трех европейских сотрудников компании *Meuser&Co*: К. Вольтера, К. Люрса и П. Раутенкранца [6. С. 7–8]. Это здание стало первым домом в европейском стиле в Чемульпхо, напоминая по размеру дворец с большим парком. Многие

европейцы и корейцы видели дом компании издали еще до прибытия в порт Чемульпо, поэтому нередко считали его генеральным консульством Германской империи, летним дворцом корейского короля или резиденцией местного губернатора [17].

Железная дорога, световой проектор, велосипед, кирпичные здания — все эти объекты стали «символами благоустройства» и «фетишами современности» [20. С. 51–53]. Важным аспектом повседневной жизни являлась европейская музыка, символом которой стало пианино [6. С. 9–10]. Торговая компания *Robinson Piano Company*, имевшая филиалы в Гонконге, Шанхае, Сингапуре и других крупных азиатских городах, регулярно отправляла в Корею представителя для настройки и ремонта инструментов [21]. В феврале 1901 г. известный немецкий музыкант Франц Эккерт был приглашен в страну в качестве придворного капельмейстера. Он сочинил первый национальный гимн Кореи, которая с 1897 г. называла себя «Тэханчжегук» (Великая корейская империя), и дирижировал им на торжественном мероприятии, посвященном 50-летию юбилею вана Коджона [23. С. 422, 549–550].

В газетной статье об открытии первой железной дороги между Чемульпо и Сеулом отмечалось, что «железная дорога станет для корейцев наглядным доказательством преимуществ общественных и политических институтов стран Запада» [24]. Путешествие на пароходе позволяло с комфортом перемещаться по всему миру. Рекламные объявления в *Korea Daily News* за 1904 г. предлагали комбинированные маршруты «Тихоокеанской почтовой паровой компании», «Западной и Восточной паровой компании» и японской *Tōyō Kisen Kaisha*. Миссионеры, дипломаты и европейские чиновники на службе правительств Восточной Азии имели право на «ощутимые скидки» на билеты первого класса, которые можно было приобрести в крупных западных и японских торговых домах в Чемульпо [25].

В 1890–1900-е гг. создавались различные формальные и неформальные ассоциации, которые способствовали сплочению западного сообщества в Корею, а также вестернизации корейских элит. Немецкие, французские, российские и японские дипломаты собирались в *Cercle diplomatique et consulaire*. «Сеульский союз» (*the Seoul Union*) объединял миссионеров, дипломатов и советников корейского правительства из США и Англии [6. С. 11–12].

Буржуазная жизнь иностранцев в Корею характеризовалась наличием определенных гендерных ролей. Хотя женщины и не занимали лидирующих позиций в обществе, они играли важную роль в создании и поддержании неформальных связей и организации общественных мероприятий, таких как обеды и званые ужины. Совместные ужины, чай, пикники, «домашние» праздники в указанный период стали непременными атрибутами жизни европейцев [27]. По таким случаям готовили еду в европейском стиле, продукты покупали у западных, японских или китайских поставщиков, избегая корейских магазинов. Репортажи о таких встречах публиковались в корейских

«газетах нового типа», устанавливая в буржуазные стандарты организации развлечений для корейской элиты. Так уроженка германских земель Мария-Антуанетта Зонтаг выдвинулась на первый план в критический для Кореи период (1896–1909 гг.) сначала в качестве хозяйки и организатора церемоний при корейском дворе, но впоследствии ее влияние перестало ограничиваться лишь административными вопросами [28. С. 138]. Она стала одной из важных фигур в борьбе великих держав за власть, за сферы влияния в преддверии колонизации Корейского полуострова Японией. Современники называли «некоронованной императрицей Кореи» [30. С. 134–135]. Резиденцию А. Зонтаг Haus von Madame Sontag и Residenz von Fräulein Sontag (Imperial Household, privat Hotel, Sontag Hotel (кор. 손탁 호텔), Hanseong Hotel, Hanseong bingwan 한성빈관 (漢城賓館), Sontakbingwan 손탁빈관 (孫澤賓館), можно считать одной из первых гостиниц западного типа в Сеуле. Она стала местом проживания молодых состоятельных мужчин из стран Запада, которые еще не успели обзавестись в Корее собственным жильем, а также комфортабельной гостиницей для путешественников в западном стиле [26. С. 92–93]. Верхний этаж помещения был предназначен для знатных высокопоставленных гостей, на первом этаже располагались комнаты обычных посетителей, ресторан и конференц-зал. Частыми гостями отеля были дипломаты, высокопоставленные корейские политики, офицеры, ученые, миссионеры, специалисты, путешественники и журналисты [26. С. 75].

Резиденция Антуанетты Зонтаг являлась также местом встреч политического клуба Чондон (정동구락부 (貞洞俱樂部), членами которого были такие известные корейские политики того времени, как Мин Ёнхван и Юн Чжихо. Клуб стал настолько влиятельным, что даже представители корейской королевской семьи и министры обращались к его участникам за советами [13. С. 110]. Корейские сторонники модернизации страны по европейскому образцу, такие как Со Джэпхиль, регулярно встречались именно в этом районе, чтобы обсудить политические вопросы с членами клуба Чондон.

Приемы и встречи, которые проводились в резиденции госпожи Зонтаг, оказали серьезное влияние на модернизацию корейской элиты нового времени. Западные отели были местами, где корейцы знакомились с западной культурой (употребление кофе, фотографии, бильярд, свадьбы нового типа, велосипеды, западная музыка и оркестры и т.д.). Многие западные привычки становились модными и заимствовались, постепенно входя в корейскую повседневную жизнь.

Национальные праздники, имперские торжества были главными событиями для всего иностранного сообщества и отмечались с размахом. Еще одним поводом для масштабных торжеств становилось прибытие иностранных военных кораблей в Чемульпхо. Когда немецкий флот посетил Корею в июле 1897 г., К. Вольтер, представитель немецкой фирмы Meyer & Co., взял на себя инициативу по организации масштабных торжеств. Вольтер также использовал

временное присутствие корабельного священника для крещения своих новорожденных детей-близнецов в соответствии с немецким обычаем [13].

Европейские мигранты пытались воспроизвести культурные и экономические модели, характерные для родной страны, но в результате взаимодействия различных европейских и местной восточноазиатской культур формировалось нечто совершенно новое. Между собой конкурировали разные европейские социальные и политические модели, но при этом существовал не только национальный, но и религиозный раскол [26]. Несмотря на то, что у прибывших в Корею европейцев и американцев было много общих черт, религиозная и национальная конкуренция разделяли малочисленную группу людей, которые знали друг друга лично. Сравнительно небольшое и хрупкое сообщество, состоящее исключительно из мигрантов первого поколения, обладало новыми характеристиками.

Термин «транслокальность» наиболее полно подходит для описания данного явления. Транслокальность проявлялась в трёх основных аспектах. Первый — решение мигрировать в Корею для большинства европейцев было добровольным, не было спровоцировано ни экономическими, ни политическими, ни иными причинами [4. С. 373–401]. Такая миграция не влекла за собой полного разрыва с предыдущей жизнью, многие мигранты поддерживали контакты с людьми на родине, регулярно проводили отпуск в Европе или возвращались туда по делам, возвращались в Европу после нескольких лет или десятилетий [6. С. 15]. Миграция чаще всего позволяла повысить социальный статус, эти люди так или иначе принадлежали к новой формирующейся глобальной элите.

Второе измерение транслокальности можно обнаружить в интенсивных связях европейских мигрантов, проживавших в Корее, с европейскими сообществами, проживавшими в других странах Восточной Азии. Многие из них не переезжали в Корею непосредственно из своей родной страны, а жили определенное время в Китае или Японии, поддерживали контакты с этими странами. Было обычным делом ездить в Японию или Китай, чтобы получить медицинскую помощь или образование [22]. Примеры семьи Эккерт, П.Г. фон Мёллендорфа, немецкого врача Р. Вунша демонстрируют этот факт. Взаимодействия представителей западных стран в Корее с представителями Цинского Китая и Японии были зачастую даже более интенсивными, чем с корейцами. Нередко в Корею европейцы приезжали с японскими и китайскими нянями, горничными и слугами [6. С. 15]. Тесные связи европейцев с японской элитой существовали и на более высоком социальном уровне, особенно это проявлялось в начале 1880-х гг., когда количество европейцев в Корее было все еще незначительным. Связи европейских и американских жителей Кореи с соседними странами создают впечатление, что иногда они были лучше интегрированы в сообщество Восточной Азии в целом, чем в культуру и социальную жизнь корейского государства.

Смешанные браки — еще один показательный пример. Смешанных браков между корейцами и европейцами практически не было. Однако европейские и американские мужчины с начала 1880-х гг. заводили китайских и японских любовниц [17]. Вскоре некоторые уважаемые члены европейской общины начали жениться на японках, хотя миссионеры критиковали эту практику [6. С. 18–19]. Примеры, когда европейские женщины выходили замуж за восточноазиатских мужчин, были крайне редки.

Взаимодействия между представителями различных европейских стран представляют собой третье измерение транслокальности. Представители разных европейских национальностей жили в Корее вместе в одних и тех же поселениях, количество торговых компаний со смешанным капиталом и количество смешанных браков свидетельствуют об активных взаимодействиях между людьми разных европейских национальностей. Такой процесс представляется вполне естественным в рамках небольшого иностранного сообщества, где большинство людей лично знали и ежедневно встречались друг с другом.

При этом в европейском сообществе в Корее присутствовала постоянная напряженность между различными группами. Крупные европейские государства и США вели в Восточной Азии империалистическую политику, пытались экспортировать свои социальные и политические модели [30]. Такая конкуренция проявлялась не только в военных столкновениях, она нашла выражение и в различных формах социализации, образе мышления и повседневных практиках. Более того, иногда социальные и политические формы конкуренции принимали в Восточной Азии иные формы, чем в Европе. В то время как в Европе Францию считали страной республиканизма, в Восточной Азии она воспринималась как оплот католицизма, этот образ был создан благодаря деятельности французских миссионеров. В отличие от европейских держав, США заявляли о гуманных формах империализма, тесно связанных с протестантизмом, об американской «моральной империи». В этом плане американцы считали себя отличными от европейцев и превосходящими их.

Несмотря на то, что у прибывших в Корею европейцев и американцев было много общих черт, религиозная и национальная конкуренция разделяли малочисленную группу мигрантов первого поколения, при этом благодаря различным формам взаимодействия небольшое и хрупкое сообщество получило новые уникальные характеристики, отличавшие представителей стран Запада в Корее от соотечественников на родине. Термин «транслокальность» наиболее полно подходит для характеристики данного явления [4]. Представители немецких земель были представлены, в основном, католиками, по этой причине они стремились к общению, установлению деловых и родственных отношений с представителями одной веры, активно взаимодействуя с французами и бельгийцами.

Таким образом, европейцы и, в частности, представители Германской империи в Корею в 1880–1910 гг., ведя буржуазный образ жизни, считали себя проводниками прогресса и перемен, физически, социально и ментально они вели жизнь, отдельную от корейского общества. За некоторыми исключениями, касающимися корейской элиты, правительственных чиновников или представителей интеллигенции, отношения с корейцами нередко строились «свысока».

Значительное количество немецких граждан, проживавших в Корею в конце XIX — начале XX вв., оказало влияние на развитие германо-корейских отношений, налаживание культурного диалога между двумя странами и последующую модернизацию страны по западному образцу. В число наиболее известных людей — уроженцев германских земель можно включить придворного церемонимейстера при дворе корейского правителя, создательницу первой гостиницы и первого кафе западного типа в Корею А. Зонтаг, создателя придворного корейского оркестра и автора первого корейского гимна Ф. Эккерта, врача Р. Вунша, директора немецкой школы в Сеуле Й. Болляна. Большую роль в этом диалоге играли и корейские переводчики с немецкого языка. При этом следует отметить, что указанные лица одновременно входили в немногочисленную прослойку иностранного «буржуазного» среднего класса в Корею, стремящегося к жизни в комфорте и роскоши, нередко недоступной в стране происхождения, и являлись проводниками многоуровневой политики империализма. Нередко они подчеркивали свое превосходство над корейцами в политическом, экономическом и культурном аспектах.

Библиографический список

1. *Cooper F., Stoler A.* Tensions of Empire: Colonial cultures in a Bourgeois World. Berkeley: University of California Press, 1997. 470 p.
2. *Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C.* Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered // *Annals of the New York Academy of Sciences* No. 645, 1992. P. 1–24.
3. *New Frontiers: Imperialism's New Communities in East Asia, 1842–1953*, ed. By R. Bickers, C. Henriot. Manchester: Manchester University Press, 2000. 282 p.
4. *Translocality: The Study of Globalising Process from a Southern Perspective* / Ed. U. Freitag, A. von Oppen. Leiden: Brill, 2010. 472 p.
5. *Шебанова М.А.* Роль транснациональных сообществ в современном развитии государства и общества // *Гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 5. С. 218–225.
6. *Dittrich K.* Europeans and Americans in Korea, 1882–1910: A Bourgeois and Translocal Community // *Itinerario — European Journal of Overseas History*. 2016. Т. 40. № 1, P. 3–28.
7. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по философии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 323 с.
8. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
9. *Розенберг Н.В.* Культура повседневности: методология исследования. — Тамбов: Изд. Дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 200 с.

10. *The Independent* 2:29, 11 March 1897.
11. *Koh Byung-ik*. The Role of the Westerners Employed by the Korean Government in the Late Yi Dynasty. *Essays on East Asian History and Cultural Traditions*. Seoul: Sowha, 2004. 188 p.
12. *Duus P.* The Abacus and the Sword: The Japanese Penetration of Korea, 1895–1910. Berkeley: University of California Press, 1995. 480 с.
13. *Ли Ёнгван*. Корея и Германия. Сеул, 2002. 218 с. (на корейском яз.)
14. Claussen-Wunsch G. (Ed.): Dr. med. Richard Wunsch — Arzt in Ostasien, Buesingen/Hochrhein 1976. 381 p.
15. *Kneider H.A.* Globetrotter, Abenteurer, Goldgräber. Auf den deutschen Spuren im alten Korea, Munich 2009. 463 p.
16. *Симбирцева Т.М.* «Загадочный» барон П.Г. фон Мёллендорф и его «прусская» деятельность в Корею (1882–1885) // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар — 2001. — СПб., 2002. С. 26–44.
17. *Kim Jang-Soo*. Korea und der “Westen” von 1860 bis 1900: die Beziehungen Koreas zu den europäischen Grossmächten, mit besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zum Deutschen Reich. Frankfurt am Main: Lang, 1986. 216 p.
18. *The Independent* 2:144, 4 December 1897.
19. *Larsen K.* Trade, Dependency, and Colonialism: Foreign Trade and Korea’s Regional Integration. Armonk: M.E. Sharpe, 2006. P. 51–69.
20. *The Independent* 3:76, 2 July 1898.
21. *Ли Кёнхун, Готчевски Х.* Франц Эккерт — автор «Национального гимна Корейской империи» // Историческая критика, № 101 (2012). С. 373–401. (на корейском языке)
22. *The Independent* 2:98, 19 August 1897.
23. *The Korea Daily News* 1:20, 9 August 1904.
24. *The Independent* 3:105, 8 September 1898.
25. *The Independent* 2:11, 28 January 1897.
26. *Ли Суну*. Историческое и культурное пространство в Сеуле нового времени: отель «Sontag». Сеул: Ханэульчжэ, 2012. 288 с. (на корейском языке).
27. *Kroeber Emma*. Wie ich an den Koreanischen Kaiserhof kam, Berlin 1909.
28. *The Independent* 2:88, 27 July 1897.
29. *The Independent* 3:26, 3 March 1898.
30. *Пак Б.Б.* Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М: Институт востоковедения РАН, 2013. 400 с.

Информация об авторе:

Мушинова Ирина Александровна — старший преподаватель кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, e-mail: irina.musinova@gmail.com